

*И. ЗАТКОВЕЦКИЙ,
С.Г. ШУЛЬГИН,
К.Э. ЯНОВСКИЙ*

Электоральное поведение как реакция на угрозу террора

В большинстве демократических стран политики предлагают существенно различающиеся стратегии решения проблемы политического террора. Поэтому по результатам выборов при определенных обстоятельствах можно судить о том, как избиратель реагирует на такого рода риски.

В данной работе предпринята попытка проверки возможности использования электоральной статистики для оценки реакции индивидов (экономических агентов) на риски стать жертвой атаки террористов в ситуации наличия свободных выборов. То есть попытка понять как агент корректирует свой спрос на общественные блага, столкнувшись с подобной угрозой. Для сопоставления ситуации со стандартными микроэкономическими проблемами анализа поведения в агентов в условиях рисков отметим, что “активом” в данном случае является человеческая жизнь. “Дисперсией” – среднеквадратическое отклонение от математического ожидания сохранения этого “актива”, очевидно, положительно зависящее от вероятности стать жертвой террористической атаки. Мы попытаемся проанализировать электоральное поведение в странах, подвергшихся атакам террористов с применением экономического инструментария, прежде всего, допуская, что имеем дело с рациональными субъектами.

Речь идет о результатах выборов, состоявшихся вскоре после терактов и широко освещаемых или произошедших в населенном пункте, в котором проживает избиратель. Мы предполагаем, что обсуждаемые стратегии различаются долями расходов на оборону и безопасность и/или (и это может иметь критическое значение) предлагаемыми издержками поставки общественных благ “оборона” и “безопасность” (определяемыми законодательством, регламентирующим деятельность армии, полиции, служб безопасности и соответствующими правоприменительными практиками¹).

При этом в ряде случаев необходимо учитывать возможность проявления проблемы отношений принципала и агента. Избиратель – принципал – может предъявлять

¹ Так, увеличение полномочий офицеров и солдат на поле боя фактически означает снижение этого компонента издержек. Требования отчета за каждый израсходованный патрон или “пропорционального применения силы” в случае наличия угрозы уголовного преследования за нарушение означают резкое повышение издержек поставки блага “оборона” (как это имело место, к примеру, в ходе Второй Ливанской войны Израиля летом 2006 г.).

*Затковецкий Илья (Zatkovesky I.) – эксперт аналитической группы МАОФ (Израиль).
Шульгин Сергей Георгиевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института прикладных экономических исследований Академии народного хозяйства при Правительстве РФ.
Яновский Константин Эдуардович – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией институциональных проблем Института экономики переходного периода.*

спрос на увеличение расходов на оборону и снижение издержек поставки, но не получить ожидаемого результата вследствие игнорирования политиками – агентами – полученного на выборах мандата². Отсутствие связи, таким образом, может объясняться как тем, есть ли у избирателя подобный опыт, так и отсутствием возможности наказать агента за некооперативное поведение нежеланием участвовать в выборах или голосованием исходя из иных, не связанных с проблемами безопасности, мотивов (таких как участие в перераспределительных коалициях и т.п.).

Рационально-несведущий избиратель может недооценивать риски и не проявлять реакции по этой причине. Это может происходить, к примеру, под влиянием СМИ, идеологически смещенных в большинстве правовых демократий “в сторону” поддержки минимизации расходов на поставку чистых общественных благ и максимизации издержек их поставки.

Еще одну возможную причину называют психологи. Длительное ощущение опасности угнетает человека, он пытается от него избавиться, снижая остроту реагирования. Происходит “вытеснение” негативных воспоминаний, и потому, спустя некоторое время (по некоторым оценкам – через полгода или даже ранее), воздействие террористической атаки на поведение вообще и электоральное в частности резко снижается³.

Наконец, нельзя вырывать реакции избирателя из общего контекста его интересов и оценки им относительной значимости различных благ, которые могут быть профинансированы из бюджета. В этом смысле пропаста лежит между интересами избирателя, который при всеобщем избирательном праве является нетто-получателем помощи из бюджета через социальные программы, и интересами-стимулами избирателя – налогоплательщика (нетто-получателя или избирателя при демократии налогоплательщика) [Яновский, Шульгин, 2007]. Первый готов терпеть террор по крайней мере до тех пор, пока не воспринимает риск лично стать жертвой теракта не выше, чем погибнуть, к примеру, в автомобильной катастрофе [Лагов, 2007]. Перераспределение средств и полномочий в пользу ведомств – поставщиков “чистых общественных благ” (оборона, безопасность, правосудие) он воспринимает как реальную угрозу своему образу жизни. Второй, платя налоги, “покупает” общественное благо “безопасность” и менее склонен к компромиссам в этом вопросе.

Использование при изучении рассматриваемой проблемы социологических исследований имеет ряд преимуществ: более четкая и релевантная в соответствии с тематикой проекта спецификация вопросов, теоретически – несмещенная выборка. Однако такие исследования порождают и свои проблемы, связанные как с не всегда сопоставимым качеством разных опросов, так и с ограниченностью выборки, не говоря уже об их высокой стоимости.

В случае определенной повестки дня избирательной кампании, связанной с рисками террора, можно формально описать актуальные вопросы, например, через интерпретацию целей предвыборной кампании и действий как правительства, так и оппозиции по поставке общественных благ “оборона” и “безопасность”. И тут к услугам ученых электоральная статистика, которая в демократических странах, как правило, общедоступна. В таком случае охват “опрашиваемых” несопоставим с любым социологическим опросом (разумеется, если принять допущение, что выборка принимающих участие в голосовании не влияет на оценки по данному конкретному вопросу и не дает смещения).

Если думать о влиянии на электоральное поведение, то лучше брать не реакцию на каждый отдельно взятый теракт, а накопление мелких, на первый взгляд незначительных, сдвигов и изменений настроения. Есть утверждения, что на общественное настроение влияет не разовое большое событие (крупный теракт), а череда пусть не

² Об условиях, повышающих вероятность игнорирования агентом указаний принципала в такой ситуации, см. в частности [Яновский, Жаворонков, Затковецкий, 2007].

³ См., например, интервью известного российского социолога М. Урнова “Российской газете” 22 августа 2003 г.: «...для общественного мнения внутри страны чеченский вопрос стоит сейчас явно не на первом месте. На крупные теракты оно, естественно, реагирует. Но как показывают социологические наблюдения, реакция людей на теракт обычно имеет двух-трехмесячный период “активного воспоминания”, а дальше память начинает резко ослабевать».

таких крупных, но повторяющихся терактов. При этом все равно происходит не смена “плюса на минус” (или наоборот), а некоторое смещение оценок (например, некоторый рост и противников одного подхода, и сторонников другого). В то же время реакция на теракты и иные угрозы сильно различается у разных групп респондентов: есть permanently тревожные люди, есть относящиеся к этой компоненте риска нейтрально (равнодушно).

В этой связи можно сказать: “эксплуататоры” терроризма прежде всего мобилизуют “тревожный электорат”. Но при этом создаются условия и для того, чтобы на данной основе игнорировать проблему терроризма в современной социологии Европы, США и Израиля. Приклеив квазинаучный ярлык на группы населения, не готовые молча сносить террор и терпеть бессилие государства в борьбе с ним, “ученые” объявляют таких людей “алармистами”, “вижлянтистами”, “встревоженными” (как бы большими или не вполне адекватными людьми). И к этому предлагают свести решение: проблемы нет, есть лишь неадекватная реакция на “временные трудности” “кучки отщепенцев”. О такой тенденции в современной науке писали А. Функенштейн и А. Штайнзальц [Steinsalz, Funkenstein, 1987].

То, что такая реакция – глубоко естественна, показали Д. Канеман и А. Тверский [Judgment... 1982] на вполне безобидных примерах: в экспериментах по отношению к риску. Эти эксперименты показали, что люди в подавляющем большинстве не готовы бросать монетку при ставке в 100 долл. (то есть при равной вероятности выигрыша и проигрыша). Большинство соглашались на это лишь при превышении выигрыша над проигрышем в несколько раз. Еще очевиднее отношение человека к риску из другого типа экспериментов, доказавших, что люди намного острее переносят потерю 100 долл., чем приобретение такой же суммы. Не случайно человек нервничает при повышении риска террора (то есть угрозы смерти не в силу природной или технической катастрофы, а вполне сознательного и прицельного убийства неким негодяем его самого или близких ему людей).

Люди не забывают о совершенных терактах; просто впечатления о новейших событиях отодвигают в сторону воспоминания о том, что произошло пару месяцев назад. Человеку кажется: то, что он видел вчера по телевизору, – важно, а то, что было ранее, – уже не столь значимо. Поэтому необходимо учитывать отношение СМИ к теракту. При наличии их серьезного фокусирования на теме терактов и надлежащей интерпретации этих событий можно воспитать у части населения устойчивый страх перед терроризмом и согласие на усиление административного контроля в одних случаях и на капитуляцию перед любыми требованиями бандитов – в других.

Разница в подходах к теме терроризма, по всей вероятности, обусловлена наличием в стране опыта правовой демократии или ее отсутствием. Люди, чей личный (семейный) опыт жизни в условиях угрозы террора является положительным и насчитывает несколько поколений, достаточно бдительны, чтобы не пожертвовать своими правами из страха перед этим злом. Ни в США, ни в Англии, ни в одной другой правовой демократии значимого ущемления личных прав и свобод в результате мировых войн, “холодной войны” или “войны с терроризмом” не произошло. Наиболее опасная атака исполнительной власти в США на судебную имела место в середине 1930-х гг. при президенте Ф.-Д. Рузвельте⁴. Однако опыт правовой демократии не спасает от идеи откупиться от бандита, насильника: Мюнхенский 30-х гг. и Ословский 90-х XX в. “мирные процессы” – тому подтверждение. Люди, не имеющие личного позитивного опыта правовой демократии, естественно, оценивают ее как благо много ниже и не уверены в том, что она способна защитить их от угрозы террора. В их случае “общественный договор” с властью звучит приблизительно так: “Мы отдаем вам нашу свободу и развязываем руки, а вы нас эффективно защищаете”. И это кажется вполне рациональной сделкой.

⁴ Вспомним знаменитый “Switch in time”, когда судьи Верховного суда подозрительно синхронно поменяли свою позицию в защиту частной собственности и свободы предпринимательства на строго противоположную в угоду администрации Рузвельта.

Так как же отражается угроза террора на поведении избирателей? Чтобы ответить на этот вопрос, мы использовали: данные электоральной статистики России, США и Израиля; подшивки прессы, отражающей реакции на теракты, а также освещающие предвыборную борьбу, включая значение и место в ней вопросов, связанных с поставкой общественного блага “безопасность”, дискуссий по поводу размеров финансирования обороны и безопасности и правовых основ ведения антитеррористической борьбы; данные о позиции правящих и оппозиционных партий – как по правительственным решениям и документам, так и по предвыборным программам (в дополнение к соответствующим данным получаемым из СМИ); государственные и общественные базы данных, данные страховых организаций о жертвах терактов (списки, указания на обстоятельства смерти, место теракта и т.д.); данные социологических исследований. В случае Израиля использовались и данные из баз объявлений о продажах недвижимости.

Электоральные реакции в Израиле (1999–2001 гг.)

Прирост голосов. 6 февраля 2001 г. состоялись последние на сегодняшний день прямые выборы премьер-министра Израиля (в дальнейшем было принято законодательство, их отменившее). На этих выборах кандидат от правых сил А. Шарон, имевший тогда репутацию “ястреба”, основатель десятков еврейских поселений на занятых в результате войны в 1967 г. территориях и ярый сторонник их заселения⁵, победил кандидата левых сил Э. Барака, получив 62% голосов против 38%. Следует отметить, что 1999 г. – год выборов, на которых победил Э. Барак, был наиболее спокойным за всю историю существования Израиля после 1992 г. (начала “мирного” процесса). Поэтому нарастание террора в 2000–2001 гг. произвело на публику очень сильное впечатление. Хотя, как мы знаем, худшее было впереди, и террор продолжал нарастать и в 2002 г., и оставался на беспрецедентно высоком уровне в 2003–2004 гг.

За полгода перед февральскими выборами 2001 г. произошли нападения, повлекшие человеческие жертвы в следующих городах: Иерусалим – два; Кдумим, Элон-Морэ, Кфар-Даром (“территории”) – по одному; Ашдод, Гедера, Ришон-ле-Цион, Хадера – также по одному нападению. Общее число погибших – “всего” 12 человек (по сравнению с сотнями в сопоставимые периоды в последующие годы).

Для оценки влияния терактов на электоральное поведение в регрессии были включены в качестве объясняемых переменных – прирост голосов в районе за кандидата правых в 2001 г. по сравнению с 1999 г. и изменение разницы голосов между кандидатами в районе (в 1999 и 2001 гг.)⁶. В качестве независимых переменных было включено: голосование за кандидата правых в 1999 г. (“стартовый уровень”, дающий более или менее точное представление о структуре расселения “твердого ядра” обоих электоратов). Понятно, что в районах с преобладанием “твердоядерного” электората перетоки будут меньшими как в силу известной стабильности предпочтений высокополитизированного избирателя, так и в силу ограниченных возможностей прироста голосов за правых там, где уже в 1999 г. (самом “тихом” в смысле террора) голосовало подавляющее большинство избирателей. Отсутствие прироста там, соответственно, не может расцениваться как отсутствие сильной реакции. В силу ряда факторов жители этих районов даже в спокойные годы имели основания для рациональных сомнений в правильности “политики мира” с передачей террористам территорий, десятков тысяч стволов оружия, денег и т.д. В качестве независимых также были включены голоса

⁵ Он первым призвал еще в середине 1970-х гг. солдат и офицеров к прямому неповиновению приказу в случае попытки выселения с этих территорий еврейских поселенцев, чем поверг в панику левый истеблишмент.

⁶ Для оценки прироста (также в качестве объясняемой переменной использовался показатель изменения разницы голосов в 1999 и 2001 гг. за “правого” и “левого” кандидатов). Данные – электоральная статистика по статистическим районам (каждый включает в себя 4–8 участков; их всего 1329).

за ряд секторальных партий или партий с невыраженной позицией по вопросам безопасности в 1999 г. на выборах в кнессет. Предполагалось, что электорат именно этих партий составляет основной резервуар перетекающих голосов.

При анализе данных без включения всех дополнительных переменных (только прирост голосов или изменение разницы в зависимости от наличия терактов в населенном пункте, в котором расположен район) логическая переменная “теракт” оказывалась незначимой. С добавлением этих переменных все коэффициенты оказываются значимыми: знак коэффициента при переменной “теракт положительный” (то есть террористические атаки положительно влияли на рост влияния правых). Знак при переменной “голосование за правых” в 1999 г., как и ожидалось, оказался отрицательным, так же как и при “голосовании за партию” “Единство Торы”, чьи сторонники живут довольно компактно и в обоих случаях массово голосовали за правого кандидата в премьеры. Зато “русские” и сторонники неопределившейся партии “Шинуй”, судя по положительному знаку соответствующих переменных, активно переходили в лагерь победителя – 2001 г.

В таблицах 1–3 приводятся результаты анализа объяснения причин прироста голосов за правых в 1999–2001 гг. Таким образом, гипотеза о том, что в ответ на террор избиратель, не определившийся ранее, склонен скорректировать свою позицию в сторону поддержки увеличения расходов на безопасность и, что наиболее актуально для Израиля, в сторону пересмотра правовых рамок антитеррористической деятельности, дающих армии и силам безопасности возможность вести борьбу с террористами, не будучи обремененными беспрецедентными запретами и ограничениями, навязанными им после 1992 г., не может быть отвергнута.

Таблица 1

Объяснение прироста голосов за правых 1999–2001 гг.

Объясняемая переменная – прирост голосов за кандидата правых <i>dright</i>	Коэффициенты при независимых переменных	<i>t</i> -статистика	Значимость
Константа		25,555	0,000
<i>TERRACT</i> (наличие в населенном пункте теракта за полгода до выборов 2001 г.)	0,097	3,742	0,000
<i>ANTORAS</i> (голосование в районе за секторальную партию* европейских религиозных евреев)	-0,077	-2,670	0,008
<i>IBAS</i> (голосование в районе за секторальную партию “русских” евреев)	0,312	12,098	0,000
<i>SHIN_S</i> (голосование за антирелигиозную партию, маскировавшую свои позиции, в том числе в отношении террора)	0,082	2,979	0,003
<i>RIGHT99S</i> (голосование за кандидата правых в населенном пункте**)	-0,310	-11,084	0,000

* Секторальные партии обычно ассоциируют себя с правым или левым лагерем, однако связь эта весьма слабая, и они стараются войти в правительство вне зависимости от того, какая из партий с относительно выраженной идеологией его возглавляет.

** В большинстве случаев большого прироста голосов за правых не могло быть, поскольку в Иерусалиме, Ашдоде, Хадере и Гедере большинство, а еще в трех из восьми населенных пунктов, пострадавших от террора за полгода до выборов, – подавляющее большинство избирателей голосовали за правых еще в 1999 г. Поэтому уровень поддержки правых 1999 г. необходимо было включить в число независимых переменных.

**Объяснение разницы голосов за “правого” и “левого” кандидата
в 1999* и 2001 гг.**

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	Значимость
Константа	31,29365	1,224559	25,55504	0,0000
Правые-99	-0,175028	0,015786	-11,08778	0,0000
Партия “русских”-99	0,711593	0,058839	12,09398	0,0000
Недавний теракт	3,027753	0,809825	3,738775	0,0002
“Шинуй” (антирелигиозная партия)-99	0,389440	0,130580	2,982375	0,0029
“Единство Торы”-99	-0,093915	0,035207	-2,667503	0,0077

* В том числе голосованием за партийные списки на выборах 1999 г.

Таблица 3

**Объяснение разницы голосов за “правого” и “левого” кандидата
в 1999 и 2001 гг.**

R^2	0,205094	Математическое ожидание зависимой переменной	29,23353
R^2 нормированный	0,202090	Стандартное отклонение зависимой переменной	12,32365
Стандартная ошибка регрессии	11,00820	Критерий Акаике	7,639663
Сумма квадратов остатков	160321,8	Критерий Шварца	7,663104
Логарифмическое правдоподобие	-5070,556	F-статистика	68,26952
Статистика Дарбина–Уотсона	1,284096	Вероятность (F-стат.)	0,000000

Отдельный, но важный сюжет – реакция избирателя, выраженная в форме не смены предпочтений, а отказа от участия (или шире – участия/неучастия) в выборах. Участки, на которых на парламентских выборах 1999 г. голосовали за правые партии (Ликуд, Мафдаль, Ихуд Леуми – см. номера 1–3 в таблице 4), дали повышенную явку в 2001 г. Участки повышенной поддержки Аводы (крупнейшей левой партии – номер 4 в таблице 4) – чуть менее выражено, но показали ту же тенденцию (опасение поражения своего кандидата иногда оказывает мобилизующее воздействие – кандидат в премьеры и действующий премьер Барак прочно ассоциировался именно с этой партией), хотя и не столь сильно. Голосование за вторую по величине левую партию Мерец в 2001 г. никак не было связано с явкой. Зато голосование за такой важный резервуар левых голосов, как арабские партии, дало ярко выраженный результат: на “арабских” участках (в кварталах, деревнях) явка 2001 г. резко упала, что видно по сильной отрицательной связи голосов за три основные арабские партии и явкой – 2001 г. (номера 6–8 в таблице 4).

Это явление можно отчасти объяснить феноменом, описанным Э. Де Сото: в Перу новые мигранты в столице голосуют не за того кандидата, который предлагает или реализует выгодную для них политику, а за того, кто кажется им наиболее вероятным победителем. В приложении к Израилю 2001 г. это выглядело так: проголосовать за Шарона арабы, конечно, не могли, но и Бараку, попавшему в трудную ситуацию, в поддержке отказали. Если эта гипотеза верна, то тогда связь голосования на “арабской улице” обусловлена рисками террора лишь косвенно – через прогнозируемую реакцию еврейских избирателей, составляющих подавляющее большинство.

Перетоки голосов. Попробуем ответить на вопрос: влияют ли ситуации, связанные с риском для жизни, на электоральные предпочтения? В частности, исследуем 3 ОНС, № 5

**Парные регрессии Явка-2001 г. от голосования за партийные списки в 1999 г.
в тех же районах (объясняемая переменная – явка в 2001 г.;
независимые переменные – голосования за партии)**

№	Названия партий	Коэффициенты при независимых переменных	t-статистика	Значимость
1	Мафдаль	0,300	11,460	0,000
2	Ликуд	0,293	11,159	0,000
3	Ихуд Леуми	0,404	16,111	0,000
4	Авода	0,189	6,999	0,000
5	Мерец (соотношение статистически не значимо)	0,025	0,925	0,355
6	Балад	-0,499	-20,979	0,000
7	Объединенный арабский список	-0,582	-26,087	0,000
8	Хадаш	-0,533	-22,948	0,000

Таблица 5

**Электоральные перетоки от кандидатов 1999 г. к кандидатам 2001 г.
в целом по стране**

	Голоса за левого кандидата (Э.Барака) в 2001 г.	Голоса за правого кандидата (А. Шарона) в 2001 г.
Голоса за левого кандидата (Э.Барака) в 1999 г.	0,96172	0,21087
Голоса за правого кандидата (Б. Нетаньяху) в 1999 г.	0,76931	1,02360

изменение предпочтений избирателей в районах, где за период между выборами случались террористические акты, и сравниваем их с поведением избирателей, живущих в районах, где террористические акты за период между выборами не происходили.

В таблице 5 по строкам указываются голосовавшие за кандидатов в 1999 г., а по столбцам – голосовавшие за кандидатов в 2001 г. На диагонали окажется доля избирателей, которые остались верны своим электоральным предпочтениям (левым или правым). 0,21087 – часть избирателей, голосовавших за левых в 1999 г. и проголосовавших за правых в 2001 г.; 0,76931 – доля голосовавших за правых в 1999 г., перешедших к левым в 2001 г. То же предлагаем относительно районов, в которых не было терактов (см. табл. 6), и районов, где теракты были (см. табл. 7). Видно, что в районах, где были теракты (то есть где жители реальнее ощущают угрозу своей личной безопасности), наблюдается более выраженный переток голосов к правым, к тем, кто выступает за более высокие расходы на оборону и требует “развязать руки” армии.

В целом по Израилю в 1999 г. 22% левых избирателей стали правыми в 2001 г. Но если в районах, где не было терактов, в этот период лишь 21% левых перешло к правым, то в районах, где были теракты, эта цифра достигла 30%, то есть в этих районах люди с большей вероятностью изменяли свои электоральные предпочтения и высказывались за увеличение расходов на безопасность.

Похожий вывод можно сделать из анализа перетока в 1999–2001 гг. от правых к левым. В целом по стране около 8% голосовавших за правых в 1999 г. избирателей стали левыми в 2001 г. Но если в районах, где не было терактов, доля ушедших от правых к левым избирателей составляет 10%, то в районах, подвергшихся террористическим атакам, лишь 3% избирателей в 2001 г. перешло к левым. То есть в основном только жители районов, где не было терактов, высказывались против усиления оборонных

Электоральные перетоки голосов в районах, где не было терактов

	Голоса за левого кандидата (Э. Барака) в 2001 г.	Голоса за правого кандидата (А. Шарона) в 2001 г.
Голоса за левого кандидата (Э. Барака) в 1999 г.	0,716569	0,210145
Голоса за правого кандидата (Б. Нетаньяху) в 1999 г.	0,099651	1,123354

Таблица 7

Электоральные перетоки голосов в районах, где были теракты

	Голоса за левого кандидата (Э. Барака) в 2001 г.	Голоса за правого кандидата (А. Шарона) в 2001 г.
Голоса за правого кандидата (Б. Нетаньяху) в 1999 г.	0,638664	0,299128
Голоса за левого кандидата (Э. Барака) в 1999 г.	0,031325	1,047624

усилий государства, переключаясь с голосования за правых на голосование за левых. И наоборот, очень малая часть избирателей высказывалась за ослабление защитных функций государства, если они проживали в районах, где были теракты.

Кроме того, есть еще один аспект воздействия терактов на электоральное поведение. Рост терроризма угнетает экономическую активность. Избиратели склонны ее сворачивать, что, в частности, выражается в падении цен на недвижимость в районах повышенной террористической опасности. Проведенный нами анализ позволил выявить статистически значимую отрицательную зависимость между ценой квартиры и наличием повышенной террористической активности [Яновский, Жаворонков, Затковецкий, 2005].

Таким образом, завершая анализ электоральной активности израильтян в избирательном периоде 1999–2001 гг., можно констатировать следующее. Данные электоральной статистики свидетельствуют, что с повышением террористической опасности усиливается влияние партий, выступающих за более жесткие требования к борьбе с террором и соответствующее повышение расходов на эту борьбу. Причем эта тенденция усиливается в зависимости от увеличения степени опасности подвергнуться террористической атаке в том или ином районе и прямо связана с тем, были ли там теракты в последние месяцы.

Промежуточные выборы в Конгресс США 2002 г.: эхо 11 сентября?

Известно, что на “промежуточных” (*midterm* – в середине срока действующего президента) выборах 5 ноября 2002 г. в Конгресс США Республиканская партия заметно упрочила свои позиции. За всю историю выборов с 1944 г. из 16 промежуточных выборов лишь дважды (в 1998 г. на фоне благополучной экономической ситуации и крайне неудачной республиканской кампании, построенной на скандале с М. Левински, и в 2002 г., что, собственно, и представляет интерес в контексте данной работы) партия президента увеличивала на них свое представительство в палате представителей Конгресса США. С начала же XX в. это четвертый случай, когда именно на промежуточных выборах партия президента получала большинство в обеих палатах Конгресса (предыдущие – в 1902 г. при Т. Рузвельте и в 1934 г. на пике популярности Ф.-Д. Рузвельта).

Подчеркнем, что несмотря на чудовищный масштаб и беспрецедентность нападения с момента террористической атаки 11 сентября 2001 г. до выборов в Конгресс прошло больше года. Все это время “либеральная” пресса пыталась убедить избирателя либо в том, что в атаке виноваты сами США, либо, по крайней мере, в том, что лучшее в сложившейся печальной ситуации – поскорее забыть о досадном происшествии.

Жертвы терактов распределились среди штатов весьма неравномерно. Безусловно, наиболее серьезно пострадал город и, соответственно, штат Нью-Йорк. Весьма серьезно – соседний штат Нью Джерси, многие жители которого работают в Нью Йорке. Большинство погибших в самолетах были из Массачусетса и Калифорнии (туда из Бостона должны были лететь первые два из захваченных самолетов, врезавшиеся в башни-близнецы). С учетом скромной численности населения весьма значительны были потери федерального округа Колумбия; однако он не посылает своих представителей в Конгресс, и узнать об электоральной реакции его избирателей на ближайших после теракта выборах не представляется возможным.

Заметное, но на порядок меньшее, число жертв (в основном – погибшие в самолетах) оказалось также в штатах Пенсильвания, Мэриленд, Коннектикут и Вирджиния. Еще меньше пострадал штат Огайо. По остальным потери распределились относительно равномерно и были “незначительными”.

Пострадавшие штаты с точки зрения голосования распределились (не считая Нью-Йорка) на две ясно различимые группы. В первой – Пенсильвания, Коннектикут, Огайо, Вирджиния, в которых *и отток* избирателей от Демократической партии, четко ассоциирующейся (в силу гиперактивности в СМИ радикально-левого, так называемого “либерального” крыла) со стратегией задабривания террористов, *и приток* голосов к республиканцам, которым “либеральные” СМИ приписывают, хотя и без серьезных оснований [Яновский, Шульгин, 2007], планы свирепого возмездия, оказались заметными и измерялись процентами голосов. Во второй – Нью-Джерси, Мэриленд, (федеральный округ Колумбия, как уже отмечалось, не посылает своих представителей в Конгресс, хотя, судя по электоральной истории президентских выборов, мог бы попасть в эту категорию), Калифорния – прирост голосов за республиканцев почти просматривается (около 2%), но при этом отток от демократов составил менее полупроцента. Кроме того, упомянем и Массачусетс (по определению ведущего политического обозревателя CNN К. Кроули, наиболее “демократический” штат в стране), в котором, к примеру, будущий кандидат в президенты от демократов сенатор Д. Керри победил в 2002 г., баллотировавшись без оппонента – республиканца. Правда, некоторый заметный отток (около 3% голосов) от демократов имел место даже в Массачусетсе, однако приток голосов к республиканцам составил лишь 0,5%.

Из перечисленных в первой группе штатов лишь Вирджиния – стабильно умеренно-республиканский штат. Остальные три часто оказываются “качающимися”. Зато во второй группе все штаты относятся к тем, про которые говорят (впрочем, как и про Нью-Йорк), что там можно прожить всю жизнь и не встретить ни одного республиканца.

Отдельно следует остановиться на Нью-Йорке. Строго говоря, он попадает во вторую группу с другими либеральными штатами. Заметного роста голосов за республиканцев там не наблюдается (их прирост менее 0,3%). Однако падение поддержки “либералов” превышает 6% и является самым высоким показателем в группе.

Таким образом, первичный качественный анализ показывает, что закономерности поведения американского электората напоминают израильские. Твердо левые игнорируют реальность, благо уровень террора еще не ставит их перед жестким выбором: вероятность стать жертвой теракта все же остается для среднего американца пренебрежительно малой по сравнению, например, с вероятностью погибнуть в автокатастрофе. Правые остаются при своем мнении. Колеблющиеся смещаются вправо либо (умеренно левые) остаются дома, повышая долю правых голосов.

Россия: реакция на террор в тени исчезновения избирателя – налогоплательщика

Как показали наши исследования, после 1999 г. важнейшей детерминантой быстрых изменений электорального поведения в России стал фактор рентных доходов, подорвавший стимулы граждан контролировать власть и усиливший стимулы сотрудничать с нею как с самостоятельной силой в надежде на получение “своей доли пирога”.

В 2003 г. свыше 90% избирателей России проголосовали за списки партий, предлагавших передел нефтяной ренты в качестве единственного ресурса для повышения качества жизни. Появление в Москве новой крупной партии – Родина – с 15,3% голосов (заметно выше, чем в среднем по стране) при существенном уменьшении процента голосов, поданных за традиционные демократические партии (впрочем, как и за коммунистов), показало, что даже традиционная цитадель либеральной демократии в России пала в 2003 г. Значимым был переток от демократических партий к “рентным” и в масштабе страны [Мягков, Ситников, Шакин, 2004].

Теракт на Дубровке, который, казалось, мог радикально подорвать позиции партии власти не произвел на москвичей никакого видимого впечатления. При этом отчуждение, если не сказать враждебность, избирателей разных партий демократического спектра по отношению к лидерам “конкурентов” внутри этой ниши, может перевешивать претензии к власти (что особенно заметно при анализе перетоков голосов 2003–2005 гг. [Shakin, Shulgin, Myagkov, 2007].

На таком фоне пытаться количественно анализировать закономерности перетоков (например, составляющую избирателей, пошедших за “военно-патриотическими” лозунгами партии Родина, требованиями усиления армии и т.п. и соблазнившихся надеждой на “справедливый передел имущества олигархов”) при имеющемся у нас инструментарии⁷ не представляется возможным. Имеющийся инструментарий не позволяет дать количественные оценки на приемлемом уровне значимости.

Важно также отметить, что масштаб катастрофы в Москве был существенно меньше, чем в Нью-Йорке. При этом, как и в США, от момента теракта до выборов прошло более года. При большей, чем несколько месяцев, временной дистанции от события его значимость в связи со снижением общественного интереса к проблеме падает. Так было и на выборах 1999 г. в Израиле, где, начиная с 1997 г., уровень террора резко упал [Яновский, Жаворонков, Затковецкий, 2005]) и на выборах после 2002 года в США.

* * *

Описанные выше электоральные реакции на угрозу терроризма оказались в целом ожидаемыми. Избиратель реагирует вполне рационально, увеличивая поддержку партий, требующих уделять больше внимания обороне и безопасности и сокращать издержки и риски (политико-правовые) для солдат и офицеров, ведущих боевые действия. При этом относительно невысокий уровень угрозы не приводит к радикальной переориентации избирателя и не затрагивает “твердоядерный” электорат, для которого высокая угроза потерять социальные пособия остается гораздо существеннее незначительной угрозы потери своей или близкого человека жизни в результате теракта. Это дает основание продолжать исследования в этом направлении и подкрепляет изначально выдвинутое предположение о том, что электоральная статистика в сочетании с нетрудоемким анализом действий и предложений политических партий позволяет оценивать склонность избирателей к риску.

Кроме того, как показывает анализ рынка недвижимости в Израиле, угрозы терроризма также оказывают заметное влияние на цены на этом рынке. Что косвенно

⁷ Речь идет об отсутствии соответствующих социологических исследований, в частности замеров, сделанных по горячим следам событий на Дубровке и в промежутке от Дубровки до выборов в декабре 2003 г.

подтверждает наше предположение, выдвинутое в других работах (например, [May... 2007]) о том, что предпочтения, относительно такого блага, как жизнь, намного сильнее предпочтений, связанных с владением и распоряжением материальными благами. Хороший дом заметно теряет привлекательность для покупателя, если неподалеку недавно взорвался автобус (даже с учетом незначительности угрозы лично для него).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Латов Ю.В. Терроризм как экономический институт: причины формирования, основные типы, последствия // Теневая экономика. Экономический анализ преступной и правоохранительной деятельности. Ежегодник. 2006. М., 2007.

May В., Яновский К., Жаворонков С., Рева Е., Кинг Ф.А., Черный Д. Институты закрытых демократий: попытка сравнительного анализа. М., 2007.

Мяков М., Ситников А., Шакин Д. Электоральный ландшафт России. М., 2004.

Яновский К.Э., Жаворонков С.В., Затковецкий И. Демократия как средство тушения пожара // Общественные науки и современность. 2007. № 2.

Яновский К.Э., Жаворонков С.В., Затковецкий И. Политико-экономические аспекты борьбы с терроризмом. Научные труды. № 82. М., 2005.

Яновский К.Э., Шульгин С.Г. “Золотая середина” в борьбе с террором // Общественные науки и современность. 2007. № 5.

Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. New York, 1982.

Shakin D., Shulgin S., Myagkov M. Uncovering Trail of Votes: a Solution for Ecological Bias Problem // Post-Soviet Affairs. 2007. Vol. 24. № 4.

Steinsalz A., Funkenstein A. The Sociology of Ignorance. Tel Aviv, 1987.

© И. Затковецкий, С. Шульгин, К. Яновский, 2009